

**РУССКАЯ
КРАСАВИЦА**

Читайте исторические любовные романы
Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:

Тайная жена

•

Страстная-опасная

•

Нечаянная свадьба

•

Любовный водевиль

•

Сёстры-соперницы

•

Северная роза

**Елена
Арсеньева**

Северная роза

**МОСКВА
2019**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Ранее книга издавалась под названиями
«Отрава для сердец» и «Город грешных желаний»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Северная роза / Елена Арсеньева. — Москва :
Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-100040-0

Русская девочка Даша оказывается на чужбине и попадает в католический монастырь. Трудится в саду, смиренно ожидая пострига... Но женщины, даже совсем юные, — это вечные игрушки в руках мужчин! Красавицу примечает богатый сладострастник — и судьба ее, кажется, навеки решена. Быть ей в содержанках и любовницах, пока не увянет красота. А дальше... Но загадывать так далеко прекрасной Троянде, как теперь себя называет Даша, нет смысла — ведь жизнь ее висит на волоске. Интриги, заговоры, убийцы, лжесвидетели — и среди этой совсем не монастырской жизни вспыхивает ее первая любовь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100040-0

© Арсеньева Е.А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Звезда, что с неба сорвалась
И волн морских коснулась,
Бойтесь утонуть.
Но ты не бойся утонуть
В волнах любви моей!¹

Пьетро Аретино

Пролог

Москва, 1525 год

... Она лежала у его ног и наконец-то была покорна ему — отныне и навеки. И ничья более дерзновенная рука не отнимет ее у того, кому она принадлежала теперь безраздельно, тому, кто был властен в ее жизни и смерти.

Марко резко оглянулся — послышалось движение за спиной.

И впрямь! Ванька-то еще жив! Хрипит, бессильно шарит по полу скрюченными пальцами. В последнем дыхании силится ухватить камчу, всегда висевшую у него на мизинце, так, чтобы удобно было размахнуться в любой миг. Как он наслаждался, поигрывая этой зловещей плетью, помахивая перед хмурым лицом чужеземца, который

¹ Здесь и далее стихи даются в переводе Е. Арсеньевой.

был для Ваньки хуже последнего холопа, нечестивее беса, грязнее грязи...

Марко хохотнул и, чувствуя какое-то свирепое удовлетворение, родственное вожделению, наступил каблуком на слабо вздрагивающее горло ключника.

Кудрявая голова резко запрокинулась, голая грудь поднялась и уже не опустилась. Кровь заклокотала меж губ, зеленые глаза вмиг обесцветились, и то, что несколько мгновений назад было красивым, молодым, удалым лицом, превратилось в недвижимо-покорную, блеклую маску.

Марко подошел к сундуку, где Анисья держала ларчик со своими уборами; погляделся в светлое стекло. Собственное лицо сперва почудилось ему диким, пугающим, незнакомым, но сейчас было не до того, чтобы всматриваться в глаза убийцы, глядевшие на него. Он поднял шкатулку повыше, скосился, пытается увидеть свой лоб, даже потрогал его для верности.

Лоб как лоб. И никаких рогов. Все! От этого он вовремя отделался!

Хотя кого бранить, кроме себя? Ведь с первого взгляда на Анисью было ясно, что она — дочь порока, которая всякого мужчину рано ли, поздно наградит рогами или, как говорят русские, под лавку положит... Ясно-то оно было ясно, да вот беда — все равно не устоять!

Беда... Беда!

* * *

Впервые встретив ее, Марко глазам своим не поверил и даже украдкой скрестил за спиной пальцы, отгоняя беса. Но прекрасное видение, возникшее

перед ним, не пропало, а все так же смиренно стояло у ворот, заслоняясь широким рукавом, а другой рукою протягивая ему висящую вниз головой пеструю курицу, которая смирилась со своей участью быть нынче сваренной и лишь изредка судорожно трепыхала крыльями.

Впрочем, на курицу Марко тогда смотрел менее всего, ибо стоило ему поймать взгляд ярко-синего, словно сапфир, глаза, выглядывающего из-за алого рукава, увидеть тугой, будто вишня, рот, застенчиво произносящий: «Не судите, господин, дозвоьте слово молвить», — как он просто-таки врос в траву-мураву у этих тесовых ворот, забыв о том, что надобно спешить, что его ждет новый знакомец Михайла Воротников, что, наконец, вообще небезопасно говорить с русскими женщинами на улице: того и гляди выскочит разгневанный супруг с холопами — забьют до смерти, не дав слова в свое оправдание сказать, ибо всей цивилизованной Европе ведомо: русские раньше бьют, а потом спрашивают, виноват ли битый!

С трудом сообразил, чего от него хочет женщина: ни брата, ни кого из мужской прислуги на подворье не было, а для обеда необходимо зарезать курицу. Она бы и сама это сделала, да ведь нельзя. Обычай не велит!

Марко уже довольно пожил в Московии, чтобы знать некоторые основные обычаи русских. Например, известно: пищей, приготовленной из того, что убито руками женщины, гнушаются, будто нечистым. Прикончить рыбу, свернуть голову птице, заколоть поросенка должен какой ни есть мужчина. Хоть бы и первый встречный прохожий человек!

Марко протянул руку и принял бледные куриные ноги, стараясь при этом как бы невзначай коснуться унизанных перстнями пальцев незнакомки. Она, застенчиво потупясь, сделала знак идти за ней и протиснулась в калиточку. Марко вслед за незнакомкой очутился в небольшом дворе, поросшем травкою.

Крыльцо с колоннами и остроконечной кровлею вело на террасу. Двухэтажный дом был невелик, неказист, но Марко взглянул на его бревенчатые стены с восторгом: тут жила *она!* Хотел было припасть к руке незнакомки, назваться, расспросить о ее имени и звании, сказать, что...

Однако они были не одни на дворе. Девка в посконной рубахе, забыв даже прилично заслониться рукавом, глазела на Марко разинув рот. Да и было на что посмотреть: Марко был высокий, смуглый, черноглазый, с длинными, нарядными ресницами и тонкими, словно бы нарочно насурмленными бровями. Коричневый бархатный камзол, в отличие от русских тяжелых, просторных одежд, прилегал к стану, будто перчатка, штаны обливали стройные ноги...

На эти-то штаны она и уставилась, бесстыдница!

Марко с такой яростью свернул шею злополучной курице, словно это был его самый лютей враг, и сунул в лицо служанке, вынуждая наконец-то отвести глаза. Девка схватила курицу и затопталась на месте, но окрик хозяйки:

— Чего стала? Беги в поварню, дура, да чтоб быстро ошипала птицу! — вернул ей рассудок, и она неловко затрусилась в дом, поминутно оглядываясь на красивого незнакомца и крестясь.

— Спаси вас Бог, сударь, не дали нам пропасть, — сказала меж тем хозяйка, опуская наконец алый рукав и открывая взору Марко свое зарозовевшее от смущения лицо.

Если с ним содеялось такое смятение лишь при беглом взгляде на нее, что же было теперь, когда он увидел эти невероятно синие глаза, и начерченные полукружья бровей, и свежий маленький рот, и тугие щеки, и белую шею, стиснутую ожерельем, и плавные выпуклости под скромно застегнутым травянисто-зеленым летником?! Да что это, что это творится?! Он разум теряет! Или она — колдунья, мгновенно очаровавшая его?

Нет, надо бежать. Того и гляди — воротится супруг этой москвитянки — и пойдут клочки по закоулочкам.

Марко неловко повернулся боком, буркнув:

— Addio, signora!¹ — ринулся к воротам и ахнул, ударившись о твердое, как скала, тело высокого человека, преградившего ему путь.

Все. Все кончено. Пропал он...

— Господин Орландино! — возопил зычный голос, и мощные руки, вместо того чтобы размазать черты венецианца по черепу, схватили его за плечи и затрясли с таким пылким дружеством, что голова замоталась, как у тряпичной куклы, а зубы начали выбивать дробь. — Господин Марко! Сударь любезный! Ну, молодец, что пришел, а я, вишь ты, ковами² диаволовыми был от дела отвлечен. Пожар

¹ Прощайте, госпожа! (*итал.*). — Здесь и далее прим. автора.

² Кознями (*старин.*).

вспыхнул на складах, что у Яузы стоят, да, спаси Бог, вовремя я про свою невзгду спознал! Вся дворня со мною ринулась, да с баграми, да с бадьями! Ну, Господь оберег: за два только строения огонь до моего амбара не дошел. Добра погорело, скажу я тебе...

Говоривший отчаянно махнул рукой, но большое лицо его исказилось не гримасой горя, а довольной улыбкою.

Марко смотрел тупо. Он только теперь начал соображать, что нечаянной волею Провидения забрел именно на тот двор, который искал. А молодлица, зазавшая его, не иначе, жена его нового торгового партнера Михайлы Воротникова.

Ревность, разочарование так и ударили по сердцу, а потому он не смог оценить значения улыбки Михайлы и лишь проблеял в ответ что-то сочувственное.

— Да ты что? Оглох? — счастливым басом продолжал греметь Воротников. — Не слышал, чего говорено? Погорели нынче и Артамошка Гаврилов, и Никомед Позолотиков, и Сашка Рыжий! Там еще целы склады Крапивина да Ваньки Сахарова, но они нам не соперники. Что их товар противу моего? Все наши соболя, да горностаи, да векши¹ знаешь в какую цену войдут?!

Мозги у Марко постепенно прояснялись. Да ведь правду говорит Михайла! Пожар означает, что у него почти не остается конкурентов на московском меховом рынке, он теперь может диктовать свои условия что соотечественникам, что греческим купцам, которые ждут не дождутся завтрашних торгов, чтобы

¹ Беличьи шкурки (*старин.*).

отправить домой последние обозы с пушным товаром этого года. Ан нет! Не будет никаких торгов! Все, что осталось в пушных амбарах, теперь принадлежит ему, Марко Орландини!

А эта женщина, которая, оказывается, была не женой, а сестрой Михайлы, тоже будет принадлежать ему!

Случилось всего лишь то, что должно было случиться, что было predetermined с первого мгновения их встречи, когда Марко вдруг захлестнула ошеломляющая чувственность, которой так и дышало все существо этой женщины. О нет, она держалась скромницей, и ежели на подворье и в доме своем не носила траура по недавно скончавшемуся мужу, то при редких выходах ее на улицу все блюлось чин чинном: почти монашеская строгость в одежде, никаких там красных рубах, самоцветных зарукавий, зеленых или синих летников: все, от черного платка до потупленного взгляда, соответствовало личине неутешной вдовицы, заживо похоронившей себя в печали. Впрочем, Анисья откровенно наслаждалась своей вдовьей жизнью, а потому, когда Марко сделал ей предложение (он дошел и до этого, о Святая Мадонна!), чуть ли руками не замахала: окстись, мол! Нет, он ей нравился, безусловно. Но она просто не хотела идти замуж ни за кого!

— У нас ведь как? — ласково говорила Анисья Марко, пытаясь объяснить, что никакой для него обиды нет в ее отказе. — Жена — раба подневольная, а вдова — сама себе госпожа и глава семейства. Даже в законах сказано: горе, мол, обидевшему

вдовицу, лучше ему в дом свой ввергнуть огонь, чем за воздыханья вдовиц быть ввержену в геенну огненную. Я теперь сама себе хозяйка. Хочу — живу у себя в Коломенском, хочу — у брата в Москве. Дочка со мной. Все с почтением глядят, никто не учит, никто под руку не суется, никакая холопская собака на меня не лает, мужу не наушничает. О побоях, слава те Господи, думать забыла! Нет, не пойду сызнова под ярмо! У нас, знаешь ли, говорят: кто не бьет жены своей, тот дом свой не строит, и о своей душе не радует, и сам погублен будет, и в сем веке, и в будущем, и дом свой погубит. Мой-то, покойник, старался как мог! Еще спасибо, что по нраву ему была белизна кожи моей: синяков не ставил, кулаком или дрючком до смерти не молотил, только через платье дураком¹ охаживал да за волосы таскал. Но с меня и этого достало! Ну что за жизнь мужней жены у меня была? Сиди дома, как в заключении, знай себе пряди. Дочку родила, Дашеньку, — мой-то недоволен был, ох, гневался, что не сын! А она-то, милая моя, ну чистый розан, такая красота писаная! Нет, избил меня до полусмерти, а дочку кормилицам да нянькам отдал. Опять сиди, жена, в светелке: пряди! Уж иной раз думала напрямсть себе на удавку... нет, убоялась греха. А уж скука жить была — мочи нет! День и ночь я всегда в молитве пребывала и лицо свое слезами умывала. Даже и в храм Божий весьма редко меня допускали, еще того реже — на беседы со знакомцами, да и то ежели эти знакомцы — старичье немощное!

¹ Так называлась плеть, нарочно предназначенная для наказания жены.

Ну что же, Марко мог понять сурового стража — покойного супруга Анисьи: грех у бабы так и лился из очей! Небось даже и почтенные старички при виде ее вспоминали былые подвиги!

Теперь-то Анисья была и впрямь сама себе царица. Живя у брата, который крепко ее любил и слова ей поперек никогда не говорил, да и вообще — слишком был занят своими торговыми делами, чтобы вникать в хозяйственные, Анисья держала весь дом в своем пухлом, мягком кулачке и, надо отдать ей должное, блюла добро брата, будто свое собственное. Конечно, она должна была всех раньше вставать и позже всех ложиться, всех будить — если служанки будили госпожу, это считалось не в похвалу госпоже, — зато была в доме полной властительницей. И слово ее было в отсутствие брата законом. И ежели она говорила, что после обеда идет в мыльню, а всем велит спать, то все и шли спать (старинный обычай послеполуденного сна или, по крайности, отдыха вообще свято блюлся на Руси, всякое отступничество считали в некотором роде ересью), и никто не выглядывал ни на заднее крыльцо, к которому в эту пору, хоронясь в тени забора, прокрадывался по огороду нечаянный гость, ни тем паче не совался в небольшую мыльню, размещенную в подклети, между кладовок, где разомлевшая хозяйка полеживала на лавке, поджидая любовника.

Но в голове Анисьи словно бы петух пел в урочный час: стоило ей почуять, что уже истекает время послеобеденного отдыха, как она прохладно целовала Марко, выталкивала прочь с наказом уходить скорее, стеречься от нечаянного глаза... и непременно-

но приходиться завтра. Марко брел на подгибающихся ногах и с суеверным восторгом, который был средни ужасу, думал, что не иначе — она зачаровала его. Околдовала!

Она могла... Марко не сомневался, что Анисья все могла!

Однажды она дала Марко шелковый мешочек, в котором тонко и сухо что-то шелестело, и сказала, что это — трава осот, весьма большое подспорье в торговых делах. Марко верил только в свою удачу, но подарок принял с благодарностью. Только Святая Мадонна знает, в чем крылась причина — в удаче или в осоте, но невозможно было не заметить, как улучшились вдруг его дела! Мало того, что Михайла не изменил слову и не взвинтил цену на свой товар, не передал его другому покупателю, хотя мог теперь, после пожара, выбирать. Марко продал его меха с такой выгодой, какой даже предположить не мог в самых смелых мечтах. Он мог бы уже возвращаться в Венецию, но рассудил, что возьмет партию хорошего товара, например меду. Пришлось ждать до конца лета. Марко ничего не имел против: как это так, вдруг расстаться с Анисьей?! Подождет и осени, потому что это значило увезти с собой не только мед, но и чистейший воск. А потом вдруг явилась ему в голову отличная мысль: прикупить еще мехов на первых зимних торгах!

Он и остался. Ради Анисьи.

Анисья, конечно, была не простая женщина, а как здесь говорили, вещая женка. И она овдовела не само собою, по причине естественной: она свое-

го мужа извела, сжила со свету, а его, Марко, приворожила.

Марко знал сие доподлинно: Анисья сама ему призналась в одну из тех минут особенной, всепоглощающей откровенности, которые редкость даже между любовниками, а потому особенно ценны.

Марко, истомленный, счастливый, лежал навзничь, бормоча ставшее уже привычным: «Ох, да что же ты со мною сделала!» — Анисья пресерьезно выпалила:

— Приворожила, что ж еще!

— При-во-ро-жи-ла? — по складам повторил Марко неведомое слово, и Анисья простодушно и бесстыдно объяснила:

— На мыло наговаривала: мол, коль скоро мыло смывается, так бы скоро и Марко, красавец да прелестник, меня полюбил. И еще на соль: мол, как люди соли желают, так бы и он меня пожелал! И на ворот рубахи твоей шептала: мол, как ворот к телу льнет, так и Марко, душа моя, льнул бы ко мне, рабе Божией Анисье!

И снова взыграли в нем силы желания, и прильнул он к своей любушке, как ворот к телу льнет, желая ее так же, как люди соли желают... И любовь, чудилось, будет длиться вечно! Но скоро предстояло ему убедиться, что нет ничего вечного под солнцем: может быть, оттого, что Анисья-то его приворожила, а он ее — нет!

Марко никогда не нравилось, что Анисья так много хлопочет по хозяйству. Конечно, русские были уверены, что хозяйка должна знать всякое дело